Митрополит Иларион (Алфеев)

Теология в современном российском академическом пространстве

Metropolitan Hilarion (Alfeyev)

Theology in Contemporary Russian Academia

Hilarion (Alfeyev) — Sts Cyril and Methodius Post-Graduate and Doctoral School; Synodal Biblical and Theological Commission; Department of External Church Relations of the Moscow Patriarchate. cancelar@mospatr.ru.

The article chronicles the history of emergence of theology as educational subject and scientific discipline in the Russian higher education and the academic studies since 1992. Theology as educational subject appeared not as the project suggested by religious organizations, but rather as an initiative of the state educational bodies and the institutions of higher education as the result of the institutional collapse of the structure of scientific atheism in 1991. The article provides historical information on the development of the attitude of hierarchy of Russian Orthodox Church to the idea of university theology and on the role of the Church in development of state theological educational standards, as well as in introducing theology into the list of scientific disciplines. The article then discusses the debatable issues of qualifying theology as a scientific discipline. Drawing upon Habermasian approach, the author examines the meaning of the secular status of university education and the scientific status of theology in social and philosophical perspectives.

Keywords: Russian Orthodox Church, theology, scientific atheism, study of religion, departments of theology, post-secular society, secularism.

Митрополит Иларион (Алфеев). Теология в современном российском академическом пространстве // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2016. № 3. С. 224-239.

Metropolitan Hilarion (Alfeyev) (2016) "Theology in Contemporary Russian Academia", *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 34(3): 224-239.

События в России рубежа 1980–1990-х гг. дали импульс для переформатирования и реорганизации тех академических дисциплин, которые в наибольшей степени подвергались ранее идеологическому давлению. Это коснулось, в частности, изучения и преподавания религии.

Теология как образовательное направление появилось в начале 1990-х, однако не как научный или образовательный проект Русской православной церкви или иных религиозных организаций, а как инициатива государства и научно-образовательного сообщества. Параллельно происходило и оформление религиоведения: после закрытия Института научного атеизма[1] в 1991 г. кафедры научного атеизма стали трансформироваться в кафедры религиоведения.

В ходе постсоветской реорганизации образовательной системы, после принятия Закона Российской Федерации «Об образовании» (от 10 июля 1992 № 3266-1), были введены новые государственные образовательные стандарты. Комитет по высшей школе Министерства науки, высшей школы и технической политики Российской Федерации утвердил Положение о многоуровневой структуре высшего образования[2], которое было ориентировано на принятую еще в 1978 г. ЮНЕСКО Международную стандартную классификацию образования, включающую теологию[3]. Вслед за философией религии и религиоведением в 1992 г. Министерство внесло в государственный классификатор образовательных направлений и специальностей направление «Теология». Был разработан и утвержден образовательный стандарт подготовки бакалавров теологии.

Оформление религиоведения и теологии в начале 1990-х на фоне коллапса советской идеологии и упразднения «научного атеизма», а также в более широком контексте истории изучения и преподавания религии в России в XX веке — это отдельная тема для исследования. Весьма полезным для ее дальнейшего изучения стала публикация коллективной монографии «„Наука о религии“, „Научный атеизм“, „Религиоведение“: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX — начала

1. Институт научного атеизма был создан в 1964 г. в структуре Академии общественных наук при ЦК КПСС.
2. Постановление Миннауки РФ от 13.03.1992 № 13 «О введении многоуровневой структуры высшего образования в Российской Федерации».
3. “International Standard Classification of Education ISCED 2011”, *UNESCO Institute for Statistics 2012,* p. 73.

XXI в.»[4], вызвавшая оживленную и продуктивную дискуссию, в частности, в данном журнале[5].

Появление теологии в государственном классификаторе образовательных направлений и специальностей поначалу не нашло отражения в официальных церковных документах. Так, в трудах Архиерейского собора Русской православной церкви 1994 г. мы не находим упоминания об этом событии. В Определении собора «О задачах Церкви в области религиозного образования» говорится о развитии приходского религиозного образования и катехизации, подготовке катехизаторских и педагогических кадров из мирян; звучит призыв расширять сотрудничество между церковью и государством в области образования как на общецерковном, так и на местном уровне; отмечается жизненная необходимость «практической реализации права человека на выбор учебного заведения в соответствии со своими убеждениями и верованиями»; утверждается, что «православное образование должно занять свое законное место во всем многообразии школ и образовательных систем». При этом в п. 9 Определения дается критическая оценка преподаванию религиоведения: «Современная практика преподавания религиоведческих дисциплин в государственных учебных заведениях представляется неприемлемой с церковной точки зрения, ибо сегодня, независимо от намерений педагогов, “объективное и непредвзятое„ преподавание этих дисциплин превращается в утонченный вариант атеистической пропаганды»[6].

Особое внимание Архиерейский собор 1994 г. уделил восстановлению системы богословского образования в Русской православной церкви. Накануне революции 1917 г. у церкви было 4 духовных академии, 57 духовных семинарий, 185 духовных училищ. После 1918 г. все духовные школы были закрыты, большинство преподавательских кадров репрессировано. К началу 1960-х вновь действовали 2 духовные академии и 3 семинарии. После Поместного собора 1988 г. начинается процесс массового возвращения

4. «Наука о религии», «Научный атеизм», «Религиоведение»: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX — начала XXI в. / Под ред. К.М. Антонова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014.

5. См.: Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1 (33).

6. Определение «О задачах Церкви в области религиозного образования» // Архиерейский собор Русской православной церкви. 29 ноября — 2 декабря 1994 г. [http://www.patriarchia.ru/db/text/527249.html, доступ от 15.05.2016].

в церковь, увеличивается число приходов и епархий, возникает острая потребность в новых кадрах священнослужителей.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в своем докладе на Архиерейском соборе 1994 г. отметил:

> За время, прошедшее после Архиерейского собора 1989 года... наблюдалось значительное расширение всей системы духовного образования... Однако... впечатляющая статистика, характеризующая внешний рост системы духовного образования, не должна заслонять от нас того обстоятельства, что сохранились, а отчасти даже обострились трудности и проблемы, стоящие перед духовными учебными заведениями[7].

В Определении собора «О задачах Церкви в области богословского образования» говорилось о «новой системе богословского образования», призванной «включить в себя лучшее, что было присуще дореволюционной системе и что существует в современном отечественном и зарубежном опыте православного богословского образования» (п. 2). Вместе с тем «эта система должна быть чувствительна к существующим сегодня пастырским проблемам и к тем запросам, которые современное общество обращает к Церкви» (п. 3). «Новая система богословского образования в полной мере должна учитывать реальные возможности нашей Церкви и опираться на существующий и могущий в ближайшее время быть подготовленным кадровый потенциал, а также разумное взаимодействие со светской наукой и высшей школой» (п. 4). Важнейшим ее элементом должно быть «высшее богословское образование для священнослужителей» (п. 5). В связи с этим «делом особой важности должно стать постепенное преобразование духовных семинарий в высшие учебные заведения» (п. 12). В то же время «на базе духовных академий целесообразно создать постдипломную систему научно-богословской специализации» (п. 8). Собор постановил подготовить концепцию богословского образования (п. 1), стандарты высшего богословского образования, учебные программы и учебные планы (п. 12), осуществить программу издания учебных пособий для духовных семинарий (п. 13)[8].

7. Доклад Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Архиерейский собор Русской православной церкви: 29 ноября - 2 декабря 1994 года. Документы. Доклады. М.: Издательство Московской патриархии, 1995. С. 75.
8. Определение «О задачах Церкви в области богословского образования».

Итак, все внимание Архиерейского собора 1994 г. было обращено на восстановление собственной образовательной инфраструктуры.

Новые возможности, открывшиеся в связи с внесением направления «Теология» в государственный классификатор образовательных направлений и специальностей и с утверждением образовательного стандарта подготовки бакалавров теологии, были опознаны руководством открывшихся в 1991 г. Богословско-катехизаторских курсов, год спустя преобразованных в Богословский институт имени св. Патриарха Тихона. Вместе с рядом государственных университетов Институт одним из первых в стране получил аккредитацию на направление «Теология» и начал подготовку бакалавров теологии[9].

Участие Русской православной церкви в развитии вузовской теологии было инициировано и впоследствии расширялось во многом именно благодаря усилиям указанного Богословского института (ныне — Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет). Был пройден большой путь в деле разработки и утверждения образовательных стандартов по теологии, отражающих религиозную традицию.

В 1999 г. коллегия Министерства образования Российской Федерации внесла в классификатор образовательных направлений и специальностей магистратуру по направлению «Теология» и специальность «Теология». Во исполнение приказа Министерства образования было образовано отделение по теологии Учебно-методического объединения классических университетов (УМО), которое возглавил декан исторического факультета МГУ профессор С.М. Карпов.

В 2002 г. утверждены пришедшие на смену внеконфессиональному образовательному стандарту поликонфессиональный магистерский стандарт и стандарт по специальности «Теология» (в трех вариантах: православном, мусульманском, иудейском).

9. То обстоятельство, что в государственный классификатор образовательных направлений и специальностей было внесено направление, названное именно «теологией» (а не «богословием», которое является калькой греч. θεολογία), позволило технически закрепить за этим термином оттенки, содержащиеся в богатом смыслами слове «богословие», то есть его научный и образовательный аспекты, и использовать оба термина как синонимы. Вместе с тем такое терминологическое разграничение оставляло за «богословием» более широкие традиционные области смыслов и коннотаций, такие как духовная практика, молитва и созерцание.

С учетом позиции государственных органов, согласно которой невозможна государственная аккредитация учреждений, созданных в организационно-правовом статусе религиозных организаций, Свято-Тихоновскому университету для получения аккредитации пришлось изменить свой организационно-правовой статус с религиозной организации на негосударственное образовательное учреждение.

В 2008 г. президент России подписал Федеральный закон Российской Федерации «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части лицензирования и аккредитации учреждений профессионального религиозного образования (духовных образовательных учреждений)» (от 28 февраля 2008 года № 14-ФЗ), которым была установлена возможность получения религиозными образовательными учреждениями свидетельства о государственной аккредитации. Такое свидетельство подтверждает уровень реализуемых образовательных программ и соответствие содержания и качества подготовки выпускников требованиям государственных образовательных стандартов, а также дает право на выдачу документа государственного образца, заверяемого печатью образовательного учреждения, не содержащей изображения герба России.

Это решение открыло правовые возможности для получения государственной аккредитации религиозными образовательными учреждениями, в частности, духовными учебными заведениями Русской православной церкви, что отвечало позиции высшей церковной власти. Так, в Определении «О вопросах внутренней жизни Русской православной церкви» Архиерейского собора 2004 г. говорится: «Признано целесообразным скорейшее получение Духовными школами государственной аккредитации при учете традиций церковного образования»[10].

Из числа духовных школ Русской православной церкви на территории Российской Федерации 35 имеют государственную лицензию, 9 реализуют Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) бакалавриата по теологии, 2 — ФГОС магистратуры по теологии. Система духовного образования Русской православной церкви в целом ориентирована на образова-

10. Определение «О вопросах внутренней жизни Русской православной церкви» // Освященный Архиерейский собор Русской православной церкви 3-8 октября 2004 г. П.5 [http://www.patriarchia.ru/db/text/418315.html, доступ от 15.05.2016].

тельные программы, либо построенные на основе ФГОС «Теология», либо максимально приближенные к ним.

В духовных академиях открыты аспирантуры, действуют диссертационные советы по защите кандидатских диссертаций по богословию. Общецерковная аспирантура и докторантура имени святых Кирилла и Мефодия предлагают аспирантскую и докторскую программы. Действует Общецерковный диссертационный совет по защите докторских диссертаций по богословию и церковной истории. Требования, предъявляемые к диссертационным исследованиям в духовных учебных заведениях, соответствуют требованиям Высшей аттестационной комиссии (ВАК). Процедура принятия и защиты диссертаций в церковных диссоветах также ориентирована на стандарты ВАКа. Предпринимаются усилия по развитию и повышению качества исследовательских программ на базе ведущих церковно-академических учреждений.

В настоящее время теология преподается в 48 вузах России (в том числе 36 государственных) в 36 городах всех федеральных округов. Православная теология преподается в 42 вузах (в том числе 36 государственных) в 33 городах; в 15 вузах реализуется специалитет, в 35 вузах — бакалаврская, в 14 вузах — магистерская программы; в 6 вузах открыты программы профессиональной переподготовки (1–4 года), в 7 вузах — курсы повышения квалификации; в 9 вузах теология преподается в рамках курсов по выбору.

Теология в российских университетах присутствует не только в виде программ подготовки теологов — бакалавров, магистров и т.д., но и как общеобразовательный компонент (примером является Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ»).

Для обеспечения взаимодействия теологических подразделений вузов с церковью в епархиях созданы советы по теологии[11]. Координация деятельности епархиальных советов поручена Межведомственной группе по преподаванию теологии в вузах[12].

11. В настоящее время в Белгородской, Владивостокской, Волгоградской, Екатеринбургской, Екатеринодарской, Иркутской, Казанской, Кемеровской, Костромской, Курской, Липецкой, Московской городской, Мурманской, Нижегородской, Омской, Орловской, Пермской, Псковской, Пятигорской, Ростовской, Рязанской, Самарской, Санкт-Петербургской, Саранской, Саратовской, Симбирской, Ставропольской, Тверской, Тульской, Улан-Удэнской, Хабаровской, Челябинской, Ярославской епархиях.

12. Журналы заседания Священного синода Русской православной церкви 5 мая 2015 года. Журнал №24 [http://www.patriarchia.ru/db/text/4067545.html, доступ от 15.05.2016].

В России действуют не только православные, но и исламские теологические подразделения в вузах. Есть опыт сосуществования нескольких конфессиональных профилей в рамках одного факультета (например, на факультете теологии Уральского горного университета).

Таким образом, сегодня в России юридически закреплена и фактически действует система вузовского теологического образования, включающая в себя соответствующие уровни: бакалавриат, специалитет, магистратуру, аспирантуру, дополнительные образовательные программы. Теология (научная отрасль 26.00.00, научная специальность 26.00.01) включена в номенклатуру специальностей научных работников Российской Федерации; утвержден паспорт научной специальности; на базе Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых Кирилла и Мефодия, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации и Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета создан объединенный диссертационный совет по защите диссертаций по специальности 26.00.01 — Теология; утвержден состав экспертного совета Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки по теологии.

В целом успешное развитие российской академической теологии не означает отсутствия проблем и неразрешенных вопросов.

Несмотря на четвертьвековое присутствие теологии в государственных нормативных документах и на столь же длительное преподавание теологии в российских вузах, все эти годы не перестают звучать голоса, утверждающие, что присутствие теологии в светских вузах подрывает принцип светскости государства.

Русская православная церковь на протяжении многих лет утверждает, что светскость не тождественна полному устранению религии из общественного пространства и что тем более светскость не должна отождествляться с такими радикальными идеологическими установками, как агрессивный, воинствующий секуляризм[13]. В Основах социальной концепции Русской православной церкви подчеркивается, что «нельзя понимать принцип светскости государства как означающий радикальное вытеснение религии из всех сфер жизни народа»; но и церковь при этом

13. *Митрополит Волоколамский Иларион.* Православие и секуляризм // Церковь и время. 2010. № 2(51). С. 21-32.

«не должна брать на себя… функций государственной власти, предполагающих принуждение или ограничение»[14]. В том же документе (глава «Светские наука, культура, образование») говорится о том, что церковь «уважает светскую школу и готова строить свои взаимоотношения с ней, исходя из признания человеческой свободы»; при этом церковь «считает недопустимым… навязывание учащимся антирелигиозных и антихристианских идей» и «призывает к устранению последствий атеистического контроля над системой государственного образования»[15].

Важным фактором нынешней дискуссии о светскости образовательного пространства и возможности присутствия в нем конфессиональных форм теологии является приверженность некоторых ее участников (не всегда ясно осознаваемая) тем или иным версиям идеологии секуляризма.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл в своем программном выступлении на совещании «Теология в вузах: взаимодействие Церкви, государства и общества» (28.11.2012) отмечал:

> Секуляризм — и советский, и западный — идеологически подпитывался пафосом ожидания скорой смерти религии в так называемом передовом, цивилизованном мире… Что же мы видим сегодня, в начале XXI века, когда кажется, что наука и порожденные ею технологии окончательно победили и проникли во все поры нашей жизни? Мы видим совсем другую картину: религиозная вера не только не умерла, но возрождается. Вера живет и занимает важнейшее место в жизни людей разного уровня образования, разного социального положения, разных возрастов, разной этнической и культурной принадлежности. Число таких людей неуклонно растет — и в нашей стране, и в других странах, переживших секуляризацию разных типов, и прежде всего секуляризацию атеистического типа… Религиозность — это не удел кучки маргиналов, это социологический факт… И я очень четко разделил бы два подхода к этой ситуации: подход правовой и подход социологический. Они не противоречат друг другу, но являются взаимодополняющими. С правовой точки зрения наше государство является светским, и в нем действует принцип свободы совести и вероисповедания… С социологической

14. Основы социальной концепции Русской православной церкви, III.3 [http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html, доступ от 15.05.2016].

15. Там же. XIV.3.

> же точки зрения мы не можем не видеть, что в обществе происходят определенные трансформации, среди которых — процесс возрождения религии, увеличения числа религиозных людей. Этот процесс касается не просто отдельных граждан и их убеждений — он касается культурной матрицы общества, которое находится на переходном этапе от эпохи жесткой секуляризации к новой эпохе, когда религия вновь приобретает значимость, становится актуальной, вопреки всем предсказаниям о ее близкой и неминуемой смерти. Некоторые исследователи называют эту новую эпоху постсекулярной, имея в виду, что жесткий и агрессивный секуляризм утрачивает доминирующие позиции в общественной и культурной жизни[16].

Постсекулярное общество — понятие, введенное в академический оборот Юргеном Хабермасом[17] в контексте трагических событий 11 сентября 2001 года. Это понятие не только указывает на ложность прежнего тезиса о том, что «неизбежным результатом эпохи модерна будет упадок религии» (об опровержении этого тезиса пишет Питер Бергер[18]). Идея постсекулярного общества призвана прежде всего обратить внимание на то, что исключение религиозных граждан из общегражданского диалога является их дискриминацией[19], устранение которой требует признания религиозных граждан равноправными участниками такого диалога наряду с секулярными гражданами. Условием диалога Хабермас считает взаимную открытость участников к выдвигаемым аргументам[20].

16. Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Теология в вузах // Церковь и время. 2012. № 4(61) [http://www.patriarchia.ru/db/text/2619652.html, доступ 26.08.2016].
17. *Хабермас Ю.* Вера и знание // Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Издательство «Весь мир», 2002.
18. *Бергер П.* Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2(30). С. 8.
19. «Если придерживаться нормативного взгляда, согласно которому только равноправное и демократическое обсуждение приводит к универсальному согласию относительно политической этики, что и является характеристикой конституционной демократии, то вполне логично утверждать, что и диалог между религиозными и нерелигиозными (секулярными) гражданами должен вестись на равных. Однако такое равенство оказывается под угрозой, когда обнаруживается, что секулярный публичный дискурс не позволяет религиозным гражданам добиться того, чтобы их голоса были услышаны. Постсекуляризм является ответом на эту весьма специфическую проблему» (*Штекль К.* Европейская интеграция и русское православие: две перспективы в рамках парадигмы множественных современностей // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 1 (30). С. 76).
20. *Хабермас Ю.* Религия и публичность // Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. М.: «Весь мир», 2011. С. 131.

На наш взгляд, именно теология как рациональное выражение религиозных убеждений может и должна стать со стороны религиозных граждан инструментом транслирования религиозных смыслов в процессе общегражданского диалога по вопросам, затрагивающим общее благо. В этом отношении появление теологии в российском академическом пространстве следует оценивать как положительный факт. Присутствие теологии в образовании и науке — это признак гражданского взросления российского общества, осознания им своей структурной сложности, многофакторности. В то же время это свидетельство признания обществом культурной значимости российских духовно-религиозных традиций.

Христианская теологическая рациональность является одним из существенных элементов европейской и российской культуры, она обеспечивает присутствие в культуре христианских идей, отражающих религиозный опыт многих поколений. Как и всякая наука, теология не только имеет узкоспециальное значение, но и создает основу для сохранения, приумножения и последующей передачи в широкое общественное пространство определенного рода знания, которое имеет общекультурное значение.

В уже упоминавшемся выступлении на совещании «Теология в вузах: взаимодействие Церкви, государства и общества» патриарх Кирилл привел аргументы в пользу того, что присутствие теологии в высших учебных заведениях не только не противоречит правовым основам государства и общества, но и соответствует тем трансформациям, которые происходят в российском обществе. По мнению патриарха, университет призван открывать доступ к многообразию человеческого опыта, к различным сферам знания, в том числе к знанию религиозному. При соблюдении принципа добровольности изучение теологии не противоречит светскости, понимаемой не в духе агрессивного секуляризма, а в духе мировоззренческой нейтральности. Кроме того, такое изучение соответствует общественному запросу, духовным и культурным потребностям людей. В противном случае возникает угроза того, что у многих людей будет формироваться искаженная или радикальная религиозность, способная нанести урон личности, обществу и государству. По словам патриарха, «теология в вузах — это культурный императив для общества, которое долгое время было практически отчуждено от религии как особой сферы человеческого бытия. Теология в высшей школе, то есть на высоком академическом уровне, соответствующем научному уровню

гуманитарных и общественных дисциплин, — это и противоядие от распространения в обществе религиозного радикализма, который обычно развивается спонтанно, бесконтрольно и способен охватывать массы людей»[21].

Таким образом, знания о христианской традиции, о религиозном способе мышления, о теологической рациональности и о культурном измерении христианства необходимы для полноценного приобщения к общеевропейскому и российскому культурному наследию. Секуляризованный, то есть усеченный, взгляд на культуру создает искаженное представление об истории и современном состоянии того мира, в котором мы живем, а значит, противоречит целям и задачам как университетского образования, так и академической науки.

Еще один дискутируемый вопрос, связанный с развитием вузовской теологии и внесением теологии в номенклатуру специальностей научных работников, касается научного статуса теологии. На наш взгляд, этот вопрос следует рассматривать в широком контексте. Христианство является одним из фундаментов европейской культуры и, в частности, одним из источников новоевропейской науки. Без рациональности, свойственной христианской теологии, невозможно себе представить развитие европейской мысли последних столетий. И сам спор между наукой и религией, доходивший порой до открытого противостояния, по существу является «домашним спором» — в пространстве европейской культуры. Поэтому вопрос о научном статусе теологии должен решаться в контексте междисциплинарных исследований и соответствующей методологической дискуссии[22].

Проведенные исследования показывают, что, несмотря на всю важность дискуссий о научном статусе, предметно-методических дефинициях, межпредметных разграничениях, не они должны быть источником для утверждения какого-либо направления в качестве научной специальности. На практике важнейшим аргументом в пользу признания новой, отдельной научной отрасли

21. *Патриарх Московский и всея Руси Кирилл*. Теология в вузах // «Церковь и время». 2012. № 4(61) [http://www.patriarchia.ru/db/text/2619652.html, доступ 26.08.2016].

22. Шагом в данном направлении стал инициированный Общецерковной аспирантурой и докторантурой имени святых Кирилла и Мефодия междисциплинарный исследовательский проект «Разработка новой методологии диалога и взаимодействия религии и науки в России», результаты которого были представлены в одном из выпусков данного журнала (см.: Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1 (33). С. 11 — 184).

или специальности является наличие сформировавшейся научной школы, то есть экспертного сообщества, признаваемого иными членами академического сообщества.

В случае с теологией ситуация именно такова. Во-первых, следует иметь в виду дореволюционный российский опыт, когда известные ученые (в том числе члены Императорской академии наук) были связаны как с церковным богословием, так и с университетской наукой. Во-вторых, ныне в России многие выдающиеся зарубежные теологи признаются и цитируются отечественными учеными — специалистами в различных отраслях гуманитарного знания. В-третьих, в постсоветскую эпоху (а отчасти и раньше) появились российские ученые, которые или пришли в церковную науку из светской академической среды, или совершили обратный путь, сохраняя присутствие в своей изначальной, церковной, сфере. Представители этой группы ученых по преимуществу и составляют сегодня научно-экспертное ядро российской теологии. К этой группе относятся: профессура Общецерковной аспирантуры и докторантуры, духовных академий и семинарий, ПСТГУ, РХГА, теологических отделений и факультетов, а также авторы «Православной энциклопедии» и ученые, которые формально не связаны с церковно-академическими учреждениями, но при этом занимаются исследовательской деятельностью, признаваемой и светским, и церковно-богословским научными сообществами.

Российское теологическое сообщество сегодня многообразно. Оно диверсифицировано, мультидисциплинарно, обладает развитыми связями как с российским, так и с международным академическим сообществами, признается церковными научно-образовательными учреждениями, хотя пока и не имеет формальных научно-цеховых признаков.

Что касается вопроса о предметной специфике теологии, то она прописана в паспорте соответствующей научной специальности. Проект паспорта готовился на кафедре философии религии и религиоведения МГУ, что важно в связи с вопросом о пересечении теологии и религиоведения. В то же время утверждение паспорта научной специальности не снимает вопроса о предметно-методической демаркации теологии и смежных наук. В паспорте научной специальности «Теология» зафиксировано лишь предварительное понимание предметно-методической специфики теологии. Однако этого понимания, которое является конвенцией, достигнутой теологами и представителями смежных дисциплин, сегодня вполне достаточно для начала продуктивной работы экс-

пертного и диссертационных советов по теологии и для решения вопросов о дисциплинарной принадлежности и научной состоятельности диссертационных исследований. Лучший способ разрешения возможных проблем — это практика, то есть постоянное сотрудничество теологов с представителями иных наук, в частности, с религиоведами.

В данном случае необходимо подчеркнуть, что включение теологии в университетское и академическое пространство не предполагает вытеснения религиоведения из этого пространства. Теология не стремится к тому, чтобы занять позицию, которую занимает религиоведение, ибо она осознает свою предметно-методическую специфику. Напротив, появление теологии в качестве научной специальности будет лишь способствовать лучшему пониманию предметно-методической специфики самого постсоветского религиоведения.

На наш взгляд, сотрудничество теологических подразделений светских вузов и церковного богословия с религиоведами и представителями смежных наук может быть весьма плодотворным. В содержательном отношении перспективным является взаимодействие в таких областях, как герменевтика, эпистемология, метафизика, философия языка, философия религии, теория культуры, социальная и политическая философия, антропология, аксиология, этика. В частности, было бы полезно совместно изучить вопрос о соотношении религии и науки как общественных институтов и социально-культурных реалий.

Вместе с тем акцент на междисциплинарном сотрудничестве в конкретных областях не снимает с повестки дня научно-методологические вопросы. В настоящее время в комиссии по богословию Межсоборного присутствия Русской православной церкви готовится документ «Богословие как наука и его место в системе знаний». Рассмотрение этой темы имеет целью прояснить как научный статус богословия (теологии), его предметно-методическую специфику, так и роль богословия, понимаемого как наука, в опыте, жизни и служении церкви.

Библиография /References

Архиерейский собор Русской православной церкви: 29 ноября — 2 декабря 1994 года. Документы. Доклады. М.: Издательство Московской патриархии, 1995.

Бергер П. Фальсифицированная секуляризация // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 2 (30).

Журналы заседания Священного синода Русской православной церкви 5 мая 2015 года (журнал № 24) [http://www.patriarchia.ru/db/text/4067545.html, доступ от 15.05.2016].

Иларион, митрополит Волоколамский. Православие и секуляризм // Церковь и время. 2010. № 2(51).

Исследовательский проект «Разработка новой методологии диалога и взаимодействия религии и науки в России» // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 1 (33).

Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Теология в вузах // Церковь и время. 2012. № 4(61).

«Наука о религии», «Научный атеизм», «Религиоведение»: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX — начала XXI в. / Под ред. К.М. Антонова. М.: Изд-во ПСТГУ, 2014.

Определение «О вопросах внутренней жизни Русской православной церкви» Освященный Архиерейский собор Русской православной церкви 3-8 октября 2004 г.

Определение «О задачах Церкви в области богословского образования // Архиерейский собор Русской православной церкви. 29 ноября — 2 декабря 1994 г. [http://www.patriarchia.ru/db/text/527253.html, доступ от 15.05.2016].

Определение «О задачах Церкви в области религиозного образования» // Архиерейский собор Русской православной церкви. 29 ноября — 2 декабря 1994 г. [http://www.patriarchia.ru/db/text/527249.html, доступ от 15.05.2016].

Основы социальной концепции Русской православной церкви [http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html, доступ от 15.05.2016].

Хабермас Ю. Вера и знание // Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: «Весь Мир», 2002.

Хабермас Ю. Религия и публичность // Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. М.: «Весь мир», 2011.

Штекль К. Европейская интеграция и русское православие: две перспективы в рамках парадигмы множественных современностей // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. № 1(30).

Antonov, K.M. (2014) "*Nauka o religii", "Nauchnyi ateizm", "Religiovedenie": aktual'nye problemy nauchnogo izucheniia religii v Rossii XX — nachala XXI v.* ['The Science of Religion', 'Scientific Atheism', and 'Religious Studies': Current Debates about the Study of Religion in Russia of 20th — 21st Centuries]. Moscow: PSTGU.

Berger, P. (2012) "Fal'sifitsirovannaia sekuliarizatsiia" [Secularization Falsified], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 2(30).

Habermas J. (2002) "Vera i znanie" ["Faith and knowledge"], in J. Habermas *Budushchee chelovecheskoi prirody*. Moscow: "Ves' Mir".

Habermas, J. (2011) "Religiia i publichnost'" ["Religion and publicity"], in J. Habermas *Mezhdu naturalizmom i religiei*. M.: "Ves' mir".

Ilarion, mitropolit Volokolamskii (2010) "Pravoslavie i sekuliarizm" [Orthodoxy and Secularism], *Tserkov' i vremia*; 2(51).

"International Standard Classification of Education ISCED 2011", *UNESCO Institute for Statistics 2012*.

"Issledovatel'skii proekt 'Razrabotka novoi metodologii dialoga i vzaimodeĭstviia religii i nauki v Rossii'" [Developing a New Methodology of Dialogue and Interaction of

Science and Religion in Russia. A Research Project] (2015), *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 1(33).

Kirill, Patriarkh Moskovskii i vseia Rusi (2012) "Teologiia v vuzakh" [Theology in universities], *Tserkov' i vremia* 4(61).

Stoekl, K. (2012) Evropeiskaia integratsiia i russkoe pravoslavie: dve perspektivy v ramkakh paradigmy mnozhestvennykh sovremennostei [European Integration and Russian Orthodoxy: Two Multiple Modernities Perspectives], *Gosudarstvo, religiia, tserkov' v Rossii i za rubezhom* 1(30).